

М.П. Гребнева

**Сказка и быль о Флоренции
(по воспоминаниям очевидцов XV–XVIII вв.)**

По-видимому, первые упоминания о Флоренции появились в произведениях русских авторов, посвященных Феррарско-Флорентийскому собору 1438–1439 гг. – «Повесть о восьмом соборе» инока Симеона Суздальского, «Хождение на Флорентийский собор» или «Хождение во Флоренцию» неизвестного суздальца и «Исхождение Авраамия Суздальского» [1, с. 55].

В частности, «Хождение на Флорентийский собор» интересно тем, что неизвестный автор старается примирить обычное и понятное с необычным и непонятым, чудесным и сказочным. Так, он описывает госпиталь Санта Мария Нуова, заботу людей в нем о «немогущих прищельцах и странниках из других земель»: «...и там их кормят, и одевают, и обувают, и омывают, и хорошо содержат; а кто выздоравливает, тот с благодарностью бьет челом городу и идет дальше, хваля бога» [2, с. 483]. Возникает совершенно отчетливое противопоставление «здешних» земель «другим», «чужих» – «своим». Не случайны в этом ряду сравнения кедра с русской сосной, кипариса с липой и елью. Флоренция для автора – не только чужая, но и чудесная земля. Об этом свидетельствует величина, красота, искусство отделки храмов: «...храмы в нем очень красивы и велики, и здания построены из белого камня, очень высокие и искусно отделаны» [2].

При описании храмов преобладает белый цвет: «Есть в том городе и другой монастырь, он построен из белого камня», «И есть в том граде храм великий, построенный из белого и черного мрамора; а около того храма воздвигнута колокольня также из белого мрамора». Неизвестный автор дивится не только величине и красоте храмов Санта Мария дель Фьоре и Санта Мария Нуова, но и реке Арно – большой и очень быстрой, каменному мосту через реку с купеческими лавками.

Его рассказ насыщен сложными синтаксическими конструкциями, которые призваны продемонстрировать множественность впечатлений и эмоций.

Нам не удалось найти русских источников, посвященных Флоренции XVI в. Возможно, это объясняется тем, что в это время, по словам П.П. Муратова, «настала пора ограниченных

действий и глубокой душевной замкнутости. Трагедия ушла внутрь семьи, и театром преступлений сделались не улицы ... но наглухо запертые внутренние покои городских дворцов и нежилые залы полузаброшенных деревенских замков» [3, с. 204].

В XVII в. ситуация меняется коренным образом. О Флоренции рассказывают русские послы и путешественники. Д.С. Лихачев рассматривает статейные списки русских послов 2-й половины XVII в., которые «отражают типичный для этого времени интерес к быту. В них больше внимания к природе посещенных стран, к нравам их жителей, к непосредственным жизненным впечатлениям» [4, с. 332]. По его словам, «деловая письменность всегда в большей или меньшей степени вступала в контакт с литературой, пополняя ее жанры, освежая ее язык, вводя в нее новые темы, помогая сближению литературы и действительности» [4, с. 319].

К 1659 гг. относится посольство Василия Лихачева, посетившего Флоренцию. Его поразили обед у флоренского князя, музыка и музыканты: «...а за тем и игр, органов, кимвалов и музыки много; а иные люди сами играют в органах, а никто ими не движет» [4, с. 333]. Впечатление от увиденного было настолько сильным, настолько сказочным, что «а много описать не уметь: потому, кто чего не видал, тому и в ум не придет» [4, с. 333]. Поистине сказочной предстает красота флоренских садов и дивных плодов: «А в садах красота и благоухание ароматное, древа все кедровые и кипарисные», «в феврале месяце плоды зреют: яблока предивные и лимоны двои: одни величеством по шапке, и виноград двойной: белый да вишневый, и анис» [4, с. 333].

Среди путешественников, посетивших Флоренцию в XVII в., особое место занимает П.А. Толстой. Благодаря увиденному им соединяются времена. На дверях собора Санта Мария дель Фьоре в 1698 г. он прочитал надпись, посвященную Феррарско-Флорентийскому собору: «Святый вселенский седмый на десять собор в той Флоренской церкви чинится, в которой так грецы, яко и латини, до единой самой правой веры приступили пред Евгением Четвертым, вселенские церкви папезем, и пред Иоанном

Августом, греческим царем, в лете Господне 1439-м» [5, с. 230].

Его записки отличаются обширностью и делятся на две части. Первая часть более объемная, чем вторая. Если первая часть обращена к достопримечательностям Флоренции, то вторая посвящена бытовым впечатлениям царского стольника. Причем, если автор «Хождения на Флорентийский собор» не приводит имен памятников, ограничиваясь фразами – «Есть в том городе храм большой», «Есть в том городе и другой монастырь», «И есть в том граде храм великий» [2, с. 483], то П.А.Толстой называет вещи своими именами: остария «Сан-Люнци», церковь Иоанна Предтечи, церковь Санта Мария Фиоре, церковь Нунцията, церковь «святого архидиякона Лаврентия».

Любимые слова стольника при характеристике достопримечательностей – «предивный», «дивный», «преудивительный». Автор ощущает себя попавшим в сказку. Частью этой сказки оказывается Баптистерий: «Та церковь великая, сделана осмерогранная изрядною архитектурою и мастерством предивным также и убор в ней хорошей. На той церкви четверы двери великие; у тех дверей затворы поделаны медные, предивным мастерством высекаемые; на тех дверях фигуры из меди, власно как бы из дерева вырезаны зело предивно» [5, с. 228]. Автора поражает величие сооружения и мастерство людей, сделавших его. Течение речи путешественника плавное, последовательно-сказочное, связанное со сказочной фигурой «перехвата»: «на той церкви – двери», «у тех дверей – затворы», «на тех дверях – фигуры».

За описанием Баптистерия следует зарисовка церкви Санта Мария дель Фьоре: «Та церковь зело велика, а снаружи сделана вся из белаго мрамору, а в белой мрамор врезываны черные каменьа изрядными фигурами, и препорциею та церковь сделана дивною». Стольника привлекают пропорциональность здания и его черно-белая цветовая гамма.

Он любит церковь святого архидиякона Лаврентия, отмечает сроки ее постройки, а также «предивность» и «преудивительность» ее отделки и внутреннего убранства.

Если Баптистерий и дель Фьоре отличаются величием, то Сан Лоренцо – своим поистине сказочным богатством: «А изнутри та церковь вся сделана из розных мраморов такою преславною работою, какой работы на всем свете нигде лутче не обретается. И в те мраморы врезываны каменьа цветные, индейские и персикские, и раковины, и карольки, и ен-

тари, и тунпасы, и хрустали такою преудивительною работою, котораго мастерства подлинно описать невозможно» [5, с. 229].

Собор Санта Кроче вроде бы ничем не выделяется на фоне других соборов, так же, как и они, поражает своей красотой: «Потом вошел в тое церковь, в которой видел строение изрядное: убрана та церковь изнутри мраморами цветными изрядными и алебастровыми резбами изрядными ж; своду в той церкви нет, зделан потолок накаткой резною предивною работою, весь вызолочен; также и иные изрядные уборы в той церкви предивно устроены» [5, с. 230]. Но есть все-таки одна отличительная черта в его описании – преобладание серебра в предметах и отделке церкви: «престол весь литой // серебряной», «подсвешники превеликие серебряные», «образы святых ангел литые, серебряные», «образы херувимов, и серафимов, и ангелов литые ж, серебряные», «лампад великих серебряных в том пределе множество», «лампада велика зело, серебряная, вся вызолочена», «поставлены зело великие шанданы серебряные» [5, с. 230].

Наряду с церковными памятниками автор много внимания уделяет описанию дома флоренского князя, в частности, его зверинца. Путешественника привлекает зрелищность всего связанного с животными, к примеру, приспособление для их устрашения: «...зделан инструмент такой: зделано из глины одно воображение великое, безмерно страшливое, подобием некакой зело устрашительной жабы; и в то изображение войдут люди и запалят в нем огонь, чтоб дым и пламя огня исходило у того изображения изо рту, и из глаз, и из ушей, и из сторон» [5, с. 228–230]. Интересно, что, любясь этим творением, автор не забывает вспомнить о родине: «В том же доме видел одну лисицу черную; а сказывают, что де та лисица привезена в давных летех во Флоренцию с Москвы» [5, с. 229]. Лиса становится частью флоренского чуда, как и Москва – частью родного для автора государства.

Если первая часть записок Толстого посвящена впечатлениям от архитектурных памятников, то вторая – городским наблюдениям. Во второй части практически нет эмоций, а есть констатация фактов. Автор упоминает об итальянских живописцах («Во Флоренции много мастеров изрядных, живописцов изряднаго италиянскаго мастерства, которые изрядно пишут и за один небольшой образ берут золотых червонных по 50 и болши»), о произведениях скульпторов («Во Флоренции есть столпы многие, на которых поставлены в память

древних прешедших времен славных людей персоны, вырезанные из алебастру и из белых камней, а на иных медные на лошедях зделаны преславными работами»), о недостатках архитекторов и архитектуры («Во Флоренции домов самых изрядных, которые бы были самой изрядной препорции, мало; все дома флоренские древняго здания.//Весь город Флоренция вымощена камнем. И полаты есть высокие, в три и в четыре жилья в высоту, а строены просто, не по архитектуре»).

Особое внимание автор уделяет географическому положению и ландшафту города: «Флоренция есть место великое между великих гор на ровном месте», «Скрозь Флоренцию течет река немалая, которая называется Арни».

Привлекает стольника и образ жизни флорентийцев, которых он делит на «чесных людей», «купцов богатих», «мастеровых людей», «подлой народ».

Теми же годами, что и путешествие стольника, датируется вояж во Флоренцию неизвестного. Предполагается, что им мог быть Б.И. Куракин или А.М. Апраксин. И по силе впечатлений, и по художественному мастерству его записки уступают толстовским. Возможно, это объясняется тем, что автор приехал во Флоренцию 27 мая, по его словам, «ночевать», а уже 29 мая он был в Риме [6, с. 176]. Вряд ли ему удалось много увидеть за это время. Положение дел характеризуют выражения «тут же», «тут же был».

Неизвестный посетил Баптистерий: «В церкви был у св. Иоанна, строение изрядное, в одном приделе неугасимых свеч 60 с лампадами, подсвечников 50 серебряных; ангелы по стенам серебряные со свечами, потолок резной вызолочен», собор Санта Мария дель Фьоре: «Тут же церковь пресвятыя Богородицы, превеликая, вся из мрамора», собор Сан Лоренцо: «Тут же видел церковь, которую строят 96 лет, еще недостроена половина, вся изнутри из разных мраморов и яшми; вся камень в камень врезаны», собор Санта Кроче: «Был в Назарете, тут церковь пресвятыя Богородицы, в той церкви дом Богородицы, где благовестил архангел Гавриил пресвятой деве о воплощении сына божия; тот дом принесен из Назарета и поставлен в церкви; и сосуды те, из которых питала сына своего пресвятая Богородица».

Стиль произведения путешественника обусловлен его стремлением перечислить все увиденное, но, видимо, величие Флоренции заставляет даже его привнести в канцелярский

отчет черты художественности. Его так же, как и других, поражают величина и рукотворность увиденных чудес: «город велик», «церковь пресвятыя Богородицы, превеликая», у сенатора дом «велик, пять палат убраны письмом предивным», а в доме «зеркала дивныя на полторы сажени», «два глобуса прорезные, превеликие», у «флоренского князя» в палате «поставец великой», а в саду у него «дивныя по дорожкам сажены кипарисы, фонтаны, чаша из одного камня 15 сажень кругом». Покои правителя именуются по-русски палатами.

Возможно, что частичным отражением всех этих представлений о Флоренции русских путешественников, монахов и послов могли стать подробности анонимной повести начала XVIII в. – «Гистории о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли». Точное время ее создания, по словам В.А. Западова, неизвестно, датировка повести определяется по реалиям, содержащимся в тексте: упоминание Санкт-Петербурга и Кронштадта свидетельствует о том, что произведение не могло быть написано до 1703 г. [7, с. 421–422].

На наш взгляд, повесть создавалась на рубеже веков. В этом убеждает не только сказочность облика королевы, места ее рождения или вознаграждения Василия Кориотского, но и то, что для автора Флоренция – источник чудес, чудесного исчезновения Ираклии и чудесного ее возвращения. На фоне этих чудес реальным кажется все, что происходит с Василием. Флоренция для создателя истории – это чудесное место, где сказка становится былью. Тем более, что сказочная жизнь Ираклии расцвечена реальными подробностями о связях русских и флоренских земель, русских и флоренских купцов: «И уже тому два года, пришли морем в наше государство из Европы кораблями российские купцы, и я в то время гуляла с девицами в шляпках и смотрела российских товаров и всяких диковинок» [7, с. 53].

Сказочная быль или бывшая сказка истории о Флоренции сменяется неприкрытой правдой о ней в письмах Д.И. Фонвизина о его третьем заграничном путешествии. Лейтмотивом его послания из Рима от 7/18 декабря 1784 г. становится слово «скука». Он сообщает о том, что «пребывание наше во Флоренции, до приезда нашего в здешний город, будет занимать мой теперешний журнал» [8, с. 527], а также о том, что «один день (во Флоренции. – М.Г.) так походит на другой, что различить их по-

чти ничем невозможно... Я до Италии не мог себе вообразить, чтоб можно было в такой несносной скуке проводить свое время, как живут итальянцы», что «вообще сказать можно, что скучнее Италии нет земли на свете: никакого общества и скудость прескаредная», что «более всего надоедает нам скука. Мы живем только с картинами и статуями» [8, с. 527–535].

С одной стороны, Фонвизин порицает итальянский образ жизни, а с другой стороны, всячески превозносит итальянское искусство. Так, его не устраивает то, что «есть весьма много свинства», как он отмечает в письме из Флоренции от 5/16 октября 1784 г., то, что «полы каменные и грязные; белье мерзкое; хлеб, какого у нас не едят нищие; чистая их вода, то, что у нас помой». Его неприятно поражает развращенность итальянских нравов, попрошайничество местных слуг, злоба и трусость людей, склонность населения к обману. Нарекания вызывает климат итальянский, который, по его словам из флорентийского письма от 9/20 октября 1784 г., «можно назвать прекрасным; но и он имеет для нас беспокойнейшие неудобства: комары нас замучили так, что сделались у нас калмыцкие рожи» [8, с. 526]. В письме из Пизы от 11/22 ноября 1784 г. путешественник добавляет: «Климат здесь очень хорош и не-

сравненно лучше Флоренции, откуда дожди, сырость и туманы нас выгнали» [8, с. 527].

Тон посланий заметно изменяется, как только Фонвизин начинает говорить о театре, живописи, скульптуре или архитектуре. По его словам, «театры во Флоренции великолепны как для серьезной, так и для комической оперы». Внимание путешественника привлекают архитектурные памятники: «галерея великого герцога, соединенная с «Palazzo pittii», сад Boboli, «который состоит по большей части из террас и украшен многими фонтанами», соборная церковь Санта дель Фьоре, Баптистерий, церковь святого Петра.

Предмет особого восторга Фонвизина – живопись. Он упоминает имена Рафаэля, Андре дель Сарто, Карлино Дольчи, Тициана. К живописным и скульптурным произведениям он относится как государственный человек: «Рафаэлева богородица, картины дель Сартовы, Венера Тицианова и прочих великих мастеров работы и статуя Venus de Medicis составляют прямые государственные сокровища» [8, с. 528].

Очевидно, что на протяжении четырех веков отношение к Флоренции частично меняется – безоговорочное признание чудесного города сменяется трезвым взглядом на него, на его достоинства и недостатки.

Литература

1. Казакова Н.А. Исхождение Авраамия Суздальского (Списки и редакции) // Древнерусские литературные памятники: Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXXI. Л., 1979.
2. Хожение на Флорентийский собор // Памятники литературы Древней Руси (XIV – сер. XV века). М., 1981.
3. Муратов П.П. Образы Италии. М., 1993. Т. 1.
4. Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954.
5. Путешествие стольника Петра Андреевича Толстого по Европе. 1697–1699. М., 1992.
6. Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988.
7. Русская литература XVIII века (1700–1775): Хрестоматия / Сост. В.А. Западов. М., 1979.
8. Фонвизин Д.И. Письма из третьего заграничного путешествия (1784–1785) // Д.И. Фонвизин. Собр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1959. Т.2.